

В конце концов, лис Фугуй с огромным трудом выполз из-под этой живой кучи. Ценой свободы стала его шуба. Из пушистого красавца он превратился в жалкое, мокрое подобие лиса. Между ушами и на кончике хвоста зияли небольшие проплешины – результат слишком усердного вылизывания, вычесывания вшей или просто неистового чесания. Что ж, сам виноват.

С выражением глубочайшего отчаяния на морде, тибетский лис Фугуй поблагодарил всех богов за то, что он умеет быстро бегать. Задержись он хоть на пару минут, и лысин на его теле было бы гораздо больше. Но и этого было достаточно, чтобы разбить сердце красавчика Фугуя. Интересно, останутся ли у него лысые уши, когда он снова примет человеческий облик? В человеческом обличье у него нет хвоста, так что с задницей, вероятно, все в порядке. При этой мысли выражение лисьей морды, столь любимой детенышами, стало еще более печальным.

Но вскоре у него не осталось времени на самосожаление. Взрослые животные, пережившие битву, приводили себя в порядок. Большинство катались по земле, пытаясь измазать кровь грязью, или терлись окровавленными боками о деревья. Зрелище было впечатляющее. Животные понимали, что слизывать кровь с шерсти нельзя, как и отряхиваться, словно человек. Если не очистить тело от грязи вовремя, можно легко подхватить паразитов или, что еще хуже, мутировать.

— Йоу~Йоу! — внезапно прокричал олень со сломанными рогами.

И тогда Гоу Фугуй увидел, как животные прекратили свои гигиенические процедуры. Десятки окровавленных и грязных тел собрались вместе, и те, у кого сохранилась хоть какая-то шерсть, двинулись к долине вместе со своими детенышами. Очевидно, они направлялись куда-то. И все взгляды были устремлены на тибетского лиса Фугуя.

Тот задумался. Он был предельно осторожен во время боя и старался не запачкать шерсть кровью. Но когти и лапы все же пострадали. И самое главное – его шерсть сейчас была мокрой. Если это групповая баня, то почему бы и не пойти всем вместе? Главное – узнать, куда они направляются: в проточную воду или в стоячую. Если в проточную, нужно учитывать течение.

И точно. Олень вел раненых купаться. Примерно в пятнадцати минутах ходьбы к югу от долины протекал ручей шириной около трех метров. Вода в нем была кристально чистой. Гоу Фугуй все же решил убедиться, что в воде есть жизнь, прежде чем пускать туда всех животных. Его немного успокоило то, что в ручье плавали рыбки и креветки. Никакой рыбы-зомби или креветок-мутантов. Но если вся эта компания полезет купаться в ручей, вряд ли в нем останется хоть что-то живое.

Гоу Фугуй задумался и решил не рисковать. Вода слишком важна для этого леса, нужно постараться избежать ее загрязнения. И он начал рыть землю. Он не хотел, чтобы животные обиделись, если он запретит им лезть в воду. Но стоило ему выкопать небольшую ямку, как дикий кабан и три раненые обезьяны, словно поняв его замысел, принялись копать рядом. Вскоре к ним присоединились и другие.

Десятки животных рыли яму, пока она не стала достаточно глубокой, большой и круглой,

чтобы вместить дюжину особей одновременно. Тогда лис Фугуй прекратил копать. Но тут же начал рыть канавку от ручья к яме, чтобы наполнить ее водой.

— Писк! Стройтесь в очередь и принимайте ванну по степени тяжести ранений! Не забывайте тереться друг о друга! И не пейте воду из своей ванны!!

Понимали животные его или нет, тибетский лис Фугуй первым прыгнул в яму, умылся и вытерся у водозаборника на краю. Тут же кролики, лисы и обезьяны посыпались в яму один за другим. Обезьяна, не умеющая сидеть без дела, взяла на себя роль чистильщика и начала мыть и тереть животных в яме. Тибетский лис Фугуй, спасший жизни более дюжины тяжелораненых, был вновь тепло принят и оттерт по голове тремя большими обезьянами.

— Блядь! Руки прочь от папочки!! Хватит тереть мне волосы!! Мне не нужна мочалка, ладно!

— Ааааа, не подходите ко мне!

Наконец, тибетский лис Фугуй в панике выполз из ямы. Три большие обезьяны разочарованно вздохнули и переключили свое внимание на других животных, прыгающих в яму.

Полчаса спустя.

Вымытые и довольные, животные вернулись в долину. И тут начался безумный карнавал отряхиваний! Шерсть взлетала вихрями, словно в прачечной, где стиральные машины соревновались в мощности. Даже Фугуй, обычно сдержанный, не удержался и пару раз тряхнул своей лисьей шубкой. Но в этот самый миг его окатило холодом осознания: он медленно, но верно превращается в животное.

Однако, уходя, он посмотрел на сточную яму, находившуюся всего в двух-трех метрах от ручья, и замолчал. Даже если он не позволил животным сразу зайти в воду, сточные воды все равно попадут в почву. Можно ли очистить землю, от которой зависит выживание людей и животных, от этой смертоносной грязи?

Двадцать один день длилась эта катастрофа, и каждый день земля принимала новую жертву. Их тела, жалкие и бездыханные, становились пищей для небес и земли, кровь впитывалась в почву, отравляя воздух. Мертвые уже не могли навредить, но что насчет невидимых, коварных частиц? То, что скрыто от глаз, не перестает существовать. Взорвутся ли эти микроскопические бомбы? И если да, то какой ад они высвободят?

Гоу Фугуй не смел погружаться в эти мрачные размышления. Ведь если глубоко задуматься, то обреченности может не быть конца.

Лис яростно потер морду лапами, словно пытаясь стряхнуть наваждение:

- Хватит хандрить! Соберись, тряпка! Будь оптимистом! Как только мы найдем противоядие от этого проклятого золотого эликсира, все наладится, и конец света отступит!

На обратном пути раненые звери стали свидетелями странного зрелища: этот нескладный лис с квадратной мордой принялся ухаживать за самками. Он обнюхивал землю, срывал невзрачные цветочки и бережно клал их под свое укрытие. Он был каким-то... неуклюжим. Лисы - хищники, а этот выдергивает сорняки и рвет цветы? Неужели он пытается завоевать сердце лисы?

Эти десятки раненых взрослых животных, внезапно ставшие намного умнее, все поняли. Да, у этого лиса слишком квадратная морда. Если он не раздобудет самых красивых цветов и растений для своей возлюбленной, ему никогда не доведется стать отцом лисят.

Так, тибетский лис Фугуй, погруженный в поиски растения-противоядия, вдруг заметил, что звери вокруг ведут себя как-то странно. Огромная обезьяна вдруг запустила в него двумя цветками, кролик принес три сочных травинки. Но всех превзошел кабан, не сдержавший порыва души. Он выкопал из земли круглый, похожий на батат корень и чуть не огрел им Гоу Фугуя по голове!

Тибетский лис уставился на животных:

- Эй, вы чего?! Не бросайтесь! Я просто сорняки выдергиваю и цветы рву. Какое вам дело?

Но, встретившись с теплыми, участливыми взглядами, он не смог высказать все, что у него накопилось. В их глазах не было злобы. Гоу Фугуй видел чистые, прекрасные сердца этих зверей, отраженные в их глазах разных цветов и размеров.

- ...Ладно, проехали.

В крайнем случае, папа все сложит в свою сумку!

И вот, возвращаясь в долину, тибетский лис Фугуй открыто тащил огромную плетеную сумку, набитую сорняками, листьями, цветами и плодами, которыми его щедро одарили звери. Набралось почти полмешка!

Но, вернувшись, он щедро поделился содержимым своей сумки. Голод терзал детенышей.

Кролики объели траву до корней, птицы выклевали всех насекомых и семена, дикие кабаны с хрустом сожрали весь сладкий картофель - не осталось ничего. Но хуже всего приходилось маленьким хищникам. Лес оскудел, незараженных животных становилось все меньше. Обитатели долины старались не нападать друг на друга, но охота для взрослых хищников превратилась в адский труд.

На закате взрослые леопарды, тигры, лисы и одинокие волки отправлялись на поиски пропитания. Лишь лисе улыбнулась удача – она принесла трех жалких мышей. А в долине томилось около трех сотен детенышей, треть из которых – хищники. Как им хватит этого скудного улова?

Тибетский лис с болью смотрел, как крольчата, оленята, птенцы и поросята, радостно повизгивая и щебеча, набивают животики. А маленькие леопарды, тигрята, волчата и даже лисята тихо скулили от голода. Необъяснимая грусть и тревога сжали его сердце. Как долго эти невинные создания, еще не тронутые скверной, смогут прожить без еды?

В тот самый момент, когда тибетский лис Фугуй раздумывал, не достать ли из своих запасов консервированное мясо, чтобы хоть немного утолить голод пушистых хищников, в ушах раздался хруст ломающихся веток. Лисы и олени, стоявшие на страже, встрепенулись и подняли головы, а обезьяны на деревьях тревожно закричали.

И вот, из чащи появился полужомби-король волков. За ним плелась молчаливая, истерзанная армия животных. Когда они уходили, их было не меньше трех-четыре сотен, но теперь вернулась едва ли половина. Гоу Фугуй заметил, что в отряде нет тигра. «Он был слишком большим и угрожающим, — подумал лис. — Если бы он не прятался среди животных и не сдерживал себя, люди напали бы на него первым».

Но гигантский кабан был жив. Хотя испещренный десятками пулевых ран, он, казалось, на последнем издыхании следовал за остальными. Гоу Фугуй не понимал, как он еще держится на ногах. Но вскоре все стало ясно.

Огромный вожак рухнул на землю. Другой, чуть меньший кабан, молча подошел и ткнулся носом в его бок. Казалось, они что-то передавали друг другу. И вот, вожак испустил последний вздох.

Полужомби-король волков издал короткий рык. К туше подошли с десятков крепких, здоровых хищников, не тронутых вирусом. И они начали рвать тело гигантского кабана на части.

В тот же миг Гоу Фугуй снова почувствовал, словно камень упал ему на сердце. Он смотрел, как леопарды, лисы, волки и тигры отрывают куски сырого мяса и несут их своим детенышам. Вожак кабанов, истекая кровью, вернулся, чтобы подарить своим детенышам гору плоти, шанс выжить. Оставшиеся в живых кабаны безучастно наблюдали за этим пиршеством, без видимой скорби, но с тяжким чувством в душе.

Сегодня детеныши будут сыты. Но что будет завтра? Послезавтра? Неужели каждый день нужно будет платить чьей-то жизнью?

Напряжение сковало лиса Фугуя. Он вспомнил о трех птенцах ястреба на скале, кричащих от голода. Внезапно в носу защекотал запах крови, темная пелена застлала глаза. Лис поднял взгляд и встретился с пронзительными, алым и иссине-черным глазами. Гигантский волк смотрел на него так, будто собирался в следующее мгновение перегрызть ему глотку.

Гоу Фугуй ощутил животный ужас. Аура волка была пугающей, холодной и безумной, пропитанной дыханием смерти.

— ...

Черт, может, превратиться в сову и улететь?!

Когда напряжение достигло предела, и лис Фугуй уже готов был броситься наутек, перед ним встал рогатый олень. Затем другие раненные животные выстроились в шеренгу, защищая лиса. Даже маленький волчонок, только что набивший брюшко, подбежал и заскулил.

Волчий король не дрогнул, когда олень встал на защиту лиса. Но когда перед ним выросла целая стена из животных, в его глазах промелькнуло удивление, и он сделал шаг назад. Через десятки тел он посмотрел на лиса, увидел в нем отблеск человечности, закрыл глаза, повернулся и ушел.

Тибетский лис Фугуй с облегчением вздохнул, взял волчонка на руки и погладил его по шерстке, чтобы успокоиться. Но он решил, что пора уходить. Было уже почти три часа, пора возвращаться.

Лис собрался в путь, волоча за собой мешок, наполненный травами и цветами, которые подарили ему животные. И только за пределами долины он почувствовал, как напряжение отпустило его. Но тут же он ощутил голод, поняв, что с самого утра ничего не ел.

Он достал из кармана банку мясных консервов и пачку галет, открыл и жадно запихнул все в рот. На базе консервы и галеты были бы последним, что он выбрал. Он бы заказал тушеные свиные ребрышки или острую жареную курицу, приготовленную шеф-поваром. Но сейчас он не мог себе позволить быть привередливым. Ведь пока у него был выбор, у других он уже заканчивался.

В памяти всплыла сцена с умирающим вожаком кабанов и отчаянный крик ястреба на скале. Он замедлил темп, посмотрел на жирные, мягкие кусочки мяса и с горечью вздохнул. «Ладно, — подумал он. — В конце концов, я красивый, сильный и добрый Гоу Фугуй».

Через несколько минут по земле бежал лис, и вот его уже не видно, вместо него над джунглями летит сова. Король волков, отдохавший у дерева, поднял голову и смотрел, как птица улетает все дальше и дальше... Как и лис, она не принадлежала этому лесу.

Подлетев к скалам, сова увидела огромного полужомби-ястреба, бушующего на вершине. Он крушил скалы своими крыльями, не подпуская к себе ни одно живое существо. Но сквозь хаос Фугуй увидел в гнезде трех птенцов. Сердце его сжалось.

Из трех птенцов в живых остался лишь один. Он слабо щебетал, призывая мать. Двое других

лежали неподвижно рядом с ним, словно мертвые.

Сова бросилась к гнезду. Но прежде чем она успела приблизиться, безумный ястреб заметил ее и, увидев в ней причину всех своих бед, набросился на нее с ненавистью и отчаянием.

— Черт! Успокойся! Я здесь, чтобы помочь!

Но обезумевший ястреб не слышал и не понимал слов совы Фугуя. Он знал только, что должен убить эту проклятую птицу, выращенную людьми, которая всегда мешала ему убивать людей! Он знал только, что его переполняет ярость, и только убийство может ее утолить.

Сова была намного меньше ястреба. И, когда ястреб обезумел, она оказалась в крайне невыгодном положении. Его дважды едва не схватили окровавленные когти. В конце концов, сова Фугуй в ярости выпустил свой последний шар со слезоточивым газом. Воспользовавшись замешательством ястреба, он бросился в гнездо, схватил еще живого птенца и засунул ему в рот кусок консервированного мяса.

Ястреб жалобно закричал и спикировал вниз, готовый погибнуть вместе с врагом. Но, увидев, как сова пытается накормить его птенца, остатки разума и материнского инстинкта заставили его остановиться у самого гнезда.

— Чирик... чирик...

Птенец слабо кричал, не умея клевать пищу. Он просто открыл рот и запрокинул голову. Сова с трудом подцепила когтем кусочек мяса и попыталась положить его в рот птенцу, но когти были слишком большими, а рот слишком маленьким. Ей несколько раз не удалось. Ястреб, стоявший снаружи, лишь скрежетал когтями по скале.

— Цзю-цзю! Цзю-цзю!

Гигантский ястреб парил перед скалой, словно фотограф, выскивающий идеальный кадр для своего холста.

— Цзе-цзе! Цзе-цзеееее! — разнеслось эхом над ущельем.

Дважды хлопнув мощным крылом по камню, ястреб увидел выглянувшую сову и, словно обезумев от нетерпения, принялся остервенело долбить клювом горную твердь. Поклевав, ястреб выплюнул гравий изо рта. Камни разлетались градом, а в алых, с чёрной искрой, глазах птицы читалась мольба.

Сова Фугуй опешил:

— ...Блиин.

Блядь, этот громила показывает, что нужно кормит своим ртом!

Но он уже такой большой и никогда не кормил человеческого детеныша рот в рот, а теперь он хочет кормить детеныша другого вида?!

Да и разве не девочки этим занимаются?

Сова, мужчина Фугуй, почувствовал лёгкое замешательство.

Словно потеряв рассудок, гигантский ястреб снова забился в истерике, хлопая крыльями у входа в гнездо, яростно вгрызаясь клювом в скалу.

Казалось, он боялся, что Сяо Фугуй его не поймёт.

В конце концов, сова Фугуй разглядел в движениях ястреба что-то похожее на... мольбу.

В миг исчезла вся свирепость, что он видел в битве. Теперь перед ним стояло существо, полное смятения и смирения.

Сердце Гоу Фугуя вновь сдавила щемящая тоска.

Вздыхнув, он клюнул банку с мясным паштетом, превратил его в крошку и начал кормить голодных птенцов.

Один из них, видимо, измученный голодом, впивался в еду с отчаянной жадностью, боясь, что ему больше не дадут ни крошки.

Лишь после того, как сова Фугуй скормил ему половину банки, этот маленький, почти лысый, но невероятно свирепый птенец, перестал жадно хватать пищу.

Сова Фугуй перевёл взгляд на двух молчаливых птенцов рядом. Один уже остыл.

Но другой ещё издавал тихий, жалобный писк.

Фугуй быстро достал бутылку минеральной воды, смешал её с мясной крошкой и насильно влил в клюв слабенькому созданию.

Птенец, почувствовав запах еды, из последних сил открыл свой маленький клювик.

— Чиу...

На этот раз сова Фугуй дал детёнышу лишь четверть мясной пасты и немного воды.

Но когда он увидел, как птенец, обессилев, прижался крылышком к нему и к своему брату, чтобы согреться, сова Фугуй понял – он выживет.

Если кормить его каждый день, этого будет достаточно.

Сова Фугуй присел рядом с двумя детёнышами, словно наседка, и посмотрел на гигантского ястреба, который наконец перестал метаться за пределами гнезда.

Так они и смотрели друг на друга, пока сова не закатил глаза и не кивнул головой.

И тогда гигантский ястреб, вместо дикого рёва, радостно захлопал израненными крыльями и взмыл в небеса.

— Цзииии.

<http://bllate.org/book/15804/1417107>